

УДК 940. 53/.54

© С. А. Калугина, 2009

ФАКТОРЫ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ «ОБРАБОТКИ» ЯПОНСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ И ИНТЕРНИРОВАННЫХ В ПЕРИОД СТРОИТЕЛЬСТВА БАМА 1945–1956 гг.

Калугина С. А. – директор музея, тел.: (4212) 22-43-85, e-mail: sv.kalyg@mail.ru (ТОГУ)

Отражены особенности факторов идеологической «обработки» в условиях плена, интернирования, репатриации последствий Второй мировой войны 1939–1945 гг. на примере воздействия на сознание японских военнопленных и интернированных, участвовавших в строительстве Байкало-Амурской магистрали 1945–1956 гг.

The article shows the peculiarities of factors of ideological indoctrination under conditions of captivity, internment and repatriation as aftermaths of the II World War of 1939–1945 by the example of indoctrination of Japanese prisoners of war and internees, participating in construction of the Baikal-Amurskaya train line in 1945–1956.

Ключевые слова: идеологическая «обработка», плен, репатриация, военнопленные, интернированные.

Воссоздание достоверной и полной картины нахождения в СССР японских военнопленных и интернированных после капитуляции Японии в 1945 г. предполагает детальное рассмотрение факторов идеологического воздействия политорганов НКВД/МВД СССР на японских военнопленных, участвовавших в строительстве Байкало-Амурской магистрали (1945–1956 гг.).

В данном контексте факторы идеологической работы обозначают гарантии, условия и средства, обеспечивавшие не только провозглашение идеологии коммунизма, но и осуществление на практике их влияния на японских военнопленных и интернированных в условиях плена, т. е. перехода от состояния свободы к состоянию ограничения прав и свобод. Навязывание советским правительством японским военнопленным и интернированным коммунистической идеологии и ее ценностей обусловлено было подготовкой резерва среди военнопленных, который по возвращении в Японию помог бы коммунистической партии свергнуть монархию и начать строительство нового демократического государства. Учет геополитических реалий заключался в

обеспечении безопасности России или, в более строгой формулировке Николая Яковлевича Данилевского, в теории социальных общностей – наций [1].

Во все времена война и перенесенные ею страдания остаются единными и всенародными, но участниками войны были и миллионы военнопленных, о которых в общественном сознании большинства государств не находится места. В настоящее время военнопленный так и остается «человеком на обочине войны». К сожалению, войны и вооруженные конфликты не прекращаются ни на один день, и понятия «плен» и «военнопленный» будут существовать еще длительное время. В связи с этим все большую роль стали играть уроки Второй мировой войны, в том числе анализ факторов идеологической «обработки», обрушившейся, в частности, на японских военнопленных. Публикация материалов об этой, ранее закрытой, странице советско-японских отношений способствует развитию чувства исторического самопознания между нашими народами и, следовательно, в известной мере содействует улучшению нынешних отношений между Россией и Японией.

23 августа 1945 г. ГКО во главе со Сталиным принял постановление № 9898, «О приеме, размещении и трудовом использовании военнопленных японской армии», проходившее под грифом «совершенно секретно». В соответствии с этим постановлением 500 тысяч японских военнопленных направлялись на принудительные работы в СССР. Строительство вторых путей на участке Каримская–Уруша Забайкальской железной дороги, начатое еще в 1932 г., нуждалось для развертывания послевоенного строительства в рабочей силе. Одним из первых решений НКВД СССР по выполнению постановления ГКО был приказ от 8 сентября 1945 г. № 001026 по организации лагерей НКВД для военнопленных на строительстве Байкало-Амурской магистрали (БАМ)¹. Для содержания японских военнопленных и интернированных были организованы 49 лагерей, в том числе, из которых 8 лагерей приходилось на Байкало-Амурскую магистраль. Начальниками лагерей были назначены по совместительству начальники строительства отдельных линий БАМа и угольных разрезов Главного управления лагерей железнодорожного строи-

¹ Строительство этой железнодорожной магистрали начато НКВД СССР силами заключенных перед Великой Отечественной войной. В связи с началом войны 18 августа 1941 г. Л. П. Берия подписал приказ № 001101 о сдаче в эксплуатацию линий № 206, № 208, БАМ–Тында и прекращении строительных работ на линии железных дорог Комсомольск–Совгавань–Комсомольск, Комсомольск–Тоннель–Ургал и строительства перехода через Амур. Заключенные со строительства были сняты. Второй этап в строительстве БАМа связан с использованием японских военнопленных, поступивших в лагеря НКВД СССР осенью 1945 г. Государственный Комитет Обороны 30 августа принял постановление № 9936сс «О строительстве Байкало-Амурской железнодорожной магистрали». С 1946 г. следовало приступить к строительству дороги от Тайшета до Советской Гавани через Братск, Усть-Кут, Верхнее-Ангарск, Тынду, Ургал, Комсомольск с дополнительным выходом от Верхнее-Ангарска на Читу, от Тынды на БАМ и от Ургала на Известковую – всего протяжением главного пути 5580 км.

тельства (ГУЛЖДС) [2]. НКВД должен был направить на сооружение новой дороги 200 тысяч военнопленных японцев [3]. Уже только в сентябре 1946 г. на строительстве Байкало-Амурской магистрали находилось 121 941 японских военнопленных [4]. В 1946 г. министр внутренних дел СССР С. Н. Круглов заявлял: «Нам предстоит бороться за выполнение 4-й сталинской пятилетки. Имеющаяся у нас армия военнопленных, работающая в ведущих отраслях хозяйства, должна быть использована по-настоящему, и наше государство должно получить большую экономическую выгоду» [5]. Окончательная цель идеологической работы политорганов состояла в преобразовании индивидуума с «феодалным» или «капиталистическим» складом мышления в «правильно мыслящего» члена нового общественного устройства.

Объективных факторов, обеспечивавших идеологическую «обработку» массы военнопленных японской армии, было несколько:

1. В 1939 г. было создано Главное управление по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ), предназначенное выполнять функции по содержанию, медицинскому обслуживанию, трудовому использованию, проведению идеологической работы среди военнопленных и даже осуществлять оперативно-разведывательную деятельность [6]. Решением ЦК ВКП(б) от 26 июня и приказом МВД СССР № 00933 «О создании политического отдела при Главном управлении МВД СССР по делам о военнопленных и интернированных и политотделов лагерей для военнопленных» от 19 октября 1946 г. под грифом «совершенно секретно» при ГУПВИ был организован политический отдел со штатом 18 человек.

Начальником политотдела назначен генерал-майор Е. И. Борисоглебский, работавший до этого заместителем начальника по политчасти Управления войск НКВД по охране железных дорог. Руководство всей политической работой среди военнопленных в лагерях МВД, а также учебно-воспитательной работой в антифашистских школах и на курсах взяли на себя политотделы ГУПВИ МВД СССР. Для выполнения поставленных задач при политотделе был создан отдел по антифашистской работе среди военнопленных со штатом 55 человек. В структуру отдела входило пять отделений: по руководству антифашистскими школами (4 человека), по руководству политической работой среди военнопленных в лагерях (8 человек), издательское (7 человек), по учету антифашистов и военных коммунистов (4 человека), снабжения культпросветимуществом и учебными пособиями (3 человека). Кроме того, в структуру ГУПВИ входили редакции газет [7]. После Второй мировой войны в период наивысшего развития сталинского государства НКВД–МВД СССР² стал одним из центров управления мобилизационной

² С 1946 по 1953 гг. Советское Правительство приняло ряд мер, направленных на укрепление боеспособности внутренних войск. В марте 1946 г. НКВД СССР было преобразовано в МВД СССР, а Главное управление Внутренних войск НКВД СССР стало именоваться Главным управлением Внутренних войск МВД СССР. В январе 1947 г. части оперативного назначения внутренних войск были переданы из МВД

экономикой. Неслучайно поэтому лагеря ГУПВИ на БАМе заимствовали гулаговские и развивали новые формы идеологической «обработки»: проведение тематических бесед, докладов, лекций по текущим вопросам международной и внутренней политики Советского Союза; распространение литературы на японском языке, разъясняющей основы сталинской конституции; демонстрацию кинофильмов с соответствующими пояснениями и комментариями; создание актива военнопленных, главной целью политбесед стала мобилизация всех военнопленных и интернированных на выполнение и перевыполнение нового пятилетнего плана и «Закона о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг.».

2. После поражения немцев под Москвой начинается активная подготовка специалистов-японистов. В Москве в марте 1942 г. на базе Тихоокеанского института СССР (создан в 1943 г.) был учрежден Тихоокеанский институт АН СССР (существовал до августа 1950 г.). Он превратился в научно-исследовательский центр, вокруг которого объединились оставшиеся в Москве историки, экономисты и другие японисты, работавшие, главным образом, по проблемам военного времени. В годы войны в Москве и на Дальнем Востоке японисты (Е. М. Жуков, И. И. Коваленко, В. В. Ковыженко, С. Т. Мажоров, Г. К. Меклер, Д. И. Гольдберг, К. М. Попов, Б. Г. Сапожников, Ф. Н. Вардуль и многие другие) вели большую работу по обучению учащихся востоковедных и других учебных заведений; по пропаганде среди общественности знаний о Японии; по радиоинформации на Японию, о милитаризации японского государства, толкавшего страну к катастрофе. Возросло и улучшилось качество выпускаемых учебников и учебных пособий для подготовки переводчиков, издавались разговорники, краткие словари.

3. Использовался опыт отделов политических управлений фронтов (ПУ) политотделов армий, приобретенный в довоенное и военное время, который обеспечивал условия идеологической работы. Важным направлением работы в 1945–1948 гг. была подготовка «антифашистского актива» среди японских военнопленных. Имеющийся опыт антифашистской работы был апробирован на австрийских, немецких, румынских и венгерских военнопленных. Политотделы ГУПВИ НКВД/МВД СССР вели пропаганду среди противника (так назывались седьмые отделы и отделения, а с августа 1944 г. – отделы и отде-

---

СССР в ведение МГБ СССР. В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 6 мая 1951 г. и приказом МГБ СССР от 19 мая 1951 г. Главное управление Внутренних войск и Управление войск Правительственной «ВЧ» связи МГБ СССР были объединены и переформированы в Главное управление внутренней охраны МГБ СССР, а Внутренние войска и войска Правительственной «ВЧ» связи МГБ СССР были реорганизованы во внутреннюю охрану МГБ СССР. Главное управление Внутренних войск и Управление войск Правительственной «ВЧ» связи МГБ 10 марта 1953 г. МВД и МГБ объединили в единое Министерство внутренних дел СССР, и Внутренние войска вошли в состав МВД СССР. 13 марта 1954 г. был создан КГБ при Совете Министров СССР, в состав которого вошли Пограничные войска.

ления спецпропаганды), подготовлены были старшие инструкторы по работе среди войск противника в политотделах дивизий. Например, из отчета разведывательного отдела Амурской Краснознаменной флотилии (РО АК) следует, что «политзанятия построены в соответствии директивы Главного отдела политической пропаганды № 26 «совершенно секретно». Основное содержание пропаганды: разъяснение справедливых целей войны со стороны СССР, показ мощи Советского Союза и его армии и флота, разоблачение идеологии фашизма и нацизма, распространение идеи о целесообразности выхода из войны путем сдачи в плен и организованной капитуляции и так далее» [8].

4. Использовались в качестве пропагандистов военнопленные после соответствующей подготовки. Хабаровск был крупнейшим центром идеологической подготовки японских военнопленных и лидеров групп, здесь же выходила газета "Ниппон симбун" и другие пропагандистские материалы на японском языке. В Хабаровском крае действовали три специальные школы идеологической подготовки японских военнопленных: Демократическая школа (Минею гакко), Молодежная школа (Сэйнэн гакко) и Политическая школа (Сэйдзи гакко). Как отмечалось на четвертом оперативном совещании при начальнике Управления МВД по Хабаровскому краю, состоявшемся 23 января 1948 г.: «к демократам нужно подходить очень осторожно, путем тщательного и систематического изучения их через проверенных демократов, отсеивать всех тех, кто мешает демократическому движению, если не здесь, то будет мешать в Японии» [9]; создание сети специальных политических школ для наиболее "перспективных и способных" военнопленных; более качественная работа пропагандистских органов СССР к развертыванию политической пропаганды по всем направлениям борьбы с фашизмом и милитаризмом, мощного международного характера на фоне решающего вклада СССР в этой борьбе; не случайно эта работа в лагерях оправдывала своей целью сотрудничество военнопленного с администрацией лагеря в глазах его соотечественников. Например, в третьем строительном отделении западного участка БАМа лагеря № 7 антифашистское отделение в работе политотдела занимало одно из ведущих мест. В 1947 г. на партийной конференции западного участка БАМа начальник антифашистского отделения Гуревич сказал: «Центральная задача, стоящая перед отделением – это воспитание контингента военнопленных в духе демократизма дружественного отношения к Советскому Союзу. Если в 1946 г. в ряде лагерных отделений мы имели маленькие группы демократов в количестве 10–20 человек, то в 1947 г. мы имеем демократические группы до 250 человек. Мы достигли такого положения, что без демократических организаций не решается ни один вопрос производства и быта» [9].

5. Запретов на вероисповедания японцев, совершение религиозных обрядов на территории лагерей японских военнопленных не вводилось, учитывалась принадлежность многих военнопленных и интернированных к буддийской или синтоистской вере. В силу того, что многие служители культа одновременно являлись политинформаторами, они ненавязчиво также проводили

в жизнь выполнение задач лагерной власти, т. е. религиозность японцев умело использовалась политорганами в нужных целях как вид духовного, психологического давления, где подвергалось изменению духовное состояние, психика человеческой личности тем более, что при отсутствии других средств информации военнопленные, даже не желая поддаваться идеологическому воздействию, просто вслушивались в родную речь, читали тексты на родном языке и незаметно попадали под воздействие пропаганды.

Таким образом, среди объективных факторов выделяются экономические, социальные, политические и др. Основные факторы идеологической «обработки» военнопленных заключались в условиях жизни общества и различных его слоев. Несмотря на то, что после войны СССР стал одной из великих держав, страна была обескровлена и разрушена, поэтому пленение японской армии зависело от задач экономического и военного укрепления СССР. Вторая особенность факторов идеологической «обработки» касалась внутренней политики. Суть ее состояла в том, чтобы с помощью политорганов установить властный контроль над жизнью лагеря, иностранные военнопленные представляли сложность для тотального управления поведением заключенных в лагерях. Созданы были юридические гарантии для политорганов, обеспечивающие проведение в жизнь идеологического воздействия на военнопленных. Они представляли собой совокупность постановлений советского правительства, указов, приказов ГУПВИ, инструкций лагерей и т. д. Третья задача выражалась в идеологической «обработке» военнопленных с перспективой использования их в качестве рычага воздействия на Японию в будущем и была связана с нестабильным положением СССР на международной арене, в основе которого лежали противоречия между СССР и США, особенно в вопросе определения будущего общественного устройства Японии начавшейся «холодной войны».

Библиографические ссылки

1. *Цит. по: Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. СПб., 1995.
2. ГАРФ. (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 180. Л. 93–95.
3. ГРВА. (*Российский Государственный военный архив*). Ф. 664. Оп. 1. Д. 459. Л. 107, 112.
4. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 143. Л. 190.
5. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 2005. Т. 14. Л. 3–4 с об.
6. *Безбородова И. В.* Иностранные военнопленные и интернированные в СССР: из истории деятельности Управления по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР в послевоенный период (1945–1953 гг.) // Отечественная история. 1977. № 5.
7. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 794. Л. 23–24.
8. РГАВМФ. Ф. р-417. Оп. 9, Д. 31, Л. 174.
9. ГАНИО. Ф. 4765. Оп. 1. Д. 7. Л. 53.
10. РГВА. Ф. 1п. Оп. 14 з. Д. 112. Л. 218.